

ВОЙ И КОСТИ

ДЖЕК ГЕЛЬБ

КИРА БРАЙАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Брайан

Вой и кости

«Автор»

2026

Брайан К.

Вой и кости / К. Брайан — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Черторогово! Надеюсь, ваша поездка обошлась без приключений. Лёве Горюнову не повезло в первую же ночь набрести на здешнее чудовище. Парнишка чудом остался цел, что у местных бывалых охотников вызывает вопросы и прямые подозрения. Здесь каждый что-то скрывает: рога, клыки, когти, хвост или крылья. Каждый чего-то боится: грозы, позора или собственного прошлого. Одно можно сказать точно: в Черторогово не бывает случайных гостей. Добро пожаловать!

© Брайан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
---------	---

Кира Брайан, Джек Гельб

Вой и кости

Глава 1

— Волчара реально такой огромный? Выше тебя? Выше Влада? — вопросы сыпались лихорадочным градом, и все оставались без ответа.

Лёва крепче сжимал плед, кутаясь сильнее. Беспокойный взгляд блуждал меж ножек перевернутых стульев. Стальной лес путался с воспоминаниями, снами и необъяснимым бредом. Голова была готова лопнуть. Лёва запустил руку в волосы, сильно оттягивая их, сжимая пряди в кулак до боли, чтобы почувствовать хоть что-то.

На соседнем стуле — грязная сумка, из которой натекала мутная лужица за это время. Под ногтями — грязь и мох, перед глазами — резкая вспышка, пасть и глаза. Два ядра, точно два удара, два выстрела. Сияние до сих пор горело впереди, куда ни отведи взгляд.

— А ты его видел вот прям как меня сейчас? Ближе, дальше? — спросила Алиса, покачиваясь на стуле перед ним.

За окном едва заметно шептал мелкий дождь. До открытия столовки в семь утра оставалось чуть больше часа, и Алиса твёрдо намеревалась отлынивать от работы каждую минуту.

Тем более, что повод был — внезапно свалившийся на неё подопечный. Парень явно не местный, в Черторогово не бывал.

— Чего ты вообще в такую-то грозу с шоссе-то отошёл? — спрашивала Алиса. — По грибы да по ягоды охота? А чего без лукошка, а?

Она высыпала на покоцанную клеёнку косметику и стала краситься перед сменой. Алиса растрепала светлые волосы, выющиеся из-за влажности, и поправила бордовую помаду, которая выглядела вульгарно и неуместно. Хотя она и была небольшой девушкой, все равно ее было слишком много. Алиса постучала ногтями с облупившимся лаком по столу, одернула синий рабочий фартук и посмотрела на Лёву. Молчание собеседника лишь располагало болтать самой с собой.

— Это вам не ваши эти парки, лес-то настоящий, не хухры-мухры! Ну артист! Дуракам везёт. Влад, думаешь, чего оказался-то там, по колено в грязи? Искал кореша своего Мишаню. Пропал бедолага в грозу. Слышишь? Местный даже пропадает! Здоровенный кабаняра, рукой подковы гнул! Ну, может, про подкову-то брехня, но кеги мне таскал тут.

Она умолкла, прикрыла веки, стала рисовать жирную стрелку, глядя в разбитое зеркальце.

— Любой из нас на ней бесславно
Погибнет враз, а ты — подавно.
Не там свернешь, фонарь уронишь,
Тонуть начнешь — и весь утонешь.
Беги оттуда, робок, нем.
Иначе худо будет всем...¹

Лёва медленно повернул голову. Сквозь утренний мрак засияли фары. Алиса разочарованно вздохнула, скрестила руки, поджала губы.

¹ “Заклинание”, Михаил Щербаков

— А мы только-только начали понимать друг друга... — протянула она, предвкушая возвращение к нудной работе.

Наружная дверь скрипнула, с трудом поддалась; косые петли заставили дерево мерзко шаркнуть по выемке в полу. На пороге стоял мужчина лет сорока в мокром пальто из коричневой кожи. Он подошёл к столу, подсел к молодым людям. Гнетущее молчание прерывалось воем ветра и скрипом двери. Гость в мокром пальто осматривал Лёву с головы до ног, тщетно пытаясь поймать его взгляд.

— Здравствуй, — тихо произнёс гость.

Лёва лишь немного насупил брови.

— Доброе утро, Роман Александрович, — прошептала Алиса.

— Спасибо, что приглядела за ним, — поблагодарил он в ответ и улыбнулся. — Не смею больше отвлекать тебя.

— Да пустяки, — Алиса встала с места и несколько минут сгребала косметику обратно в пушистую сумочку.

Всё это длилось минут пять. Наконец, она оставила Лёву с Романом наедине.

С гулким эхом тоскливо капнуло с потолка в пластиковый тазик. Холодный сырой воздух пробирался, крался по каменному полу. От порыва ветра встряхнулся лес за окном. Ветви заскребли по окнам и крыше.

— Что ты видел в лесу? — спросил Роман.

Лёва молчал, ещё плотнее сжав губы. Ответ горел в горле, на языке и в сердце, но страх сковывал слишком сильно.

— Я могу отвезти тебя домой, — предложил Роман после долгого ожидания.

Лёва ожил, повёл головой, пристально уставился на родное незнакомое лицо. Он не виделся с дядей с самого рождения, и то, что рассказывали о нём в семье, не вызывало ни малейшего желания искать и знакомиться.

Как странно было видеть полувымышленного персонажа семейных присказок и анекдотов. «Ещё один звонок, и я пойду по стопам дяди Ромы: брошу всё, сойду с ума и уеду в лес!» — говорил устало отец, когда работа доставала своими щупальцами даже за семейным столом. И вот он, здесь, безумный дядя-отшельник. Единственный, кто может дать ответы.

— Да, мы видимся впервые вот так, лицом к лицу, — будто читая мысли, произнёс Роман. — Но тебе придётся прямо сейчас мне довериться. Больше никому.

Лёва поджал губы, коротко кивнул, стягивая плед и аккуратно складывая его на стул рядом с собой. Они вышли на улицу. Тревожно дрожал осенний лес, вдали качались и ревели стволы сосен. Лёва сел в круизер к дяде, прижимая к себе грязную сумку. Тело колотила мелкая дрожь от холода или чего-то ещё. Рома завёл мотор, фары бросили свет, и Лёва вздрогнул, вжался в кресло. Резкая вспышка вновь оживила в памяти *тот взгляд*. Сердце бешено забилося, пальцы судорожно сползли по мокрой ткани, издавая тугой скрип.

Дядя ничего не замечал. Или делал вид, что не замечал. Он вывел машину на просёлочную дорогу, ехал медленно, осторожно поглядывая в зеркала заднего и бокового вида. Оцепенение спало, лишь когда пронёсся гул фуры — она неслась на огромной скорости. На здешних дорогах так не погонишь.

«Мы вернулись к шоссе?» — с тревогой подумал Лёва, поднимая взгляд.

— Что ты видел? — спросил дядя, направляя на него холодные серые глаза. — Скажи, или я отвожу тебя обратно в город.

Скользкий стыд и страх схватили горло. Слова слипались, не в силах вырваться.

— Я видел Зверя, — как будто против воли произнёс Лёва.

Тут же его самого пробрал ни с чем не сравнимый мандраж. Колючий и холодный, волнительный, хлесткий. Вся безумная ночь пронеслась перед глазами. С того момента, как очнулся

на грязной опушке, окружённый лесом и тьмой. Там пахло чем-то болотным, земля под ногами хлюпала.

Резкий удар всё же выбил из фонарика луч света, который рассёк тьму и ударил в упор в огромную вытянутую морду. Это не было ни одно из известных человечеству животных. Это была грозная ода всему звериному и дикому.

По шоссе пронеслась ещё одна одинокая машина.

— И что ты почувствовал? — спросил дядя.

— Я не знаю, — закрыв лицо руками, признался Лёва.

Водитель включил поворотник. Стрелочка защёлкала, отмеряя секунду за секундой. Лёва поднял голову, и огонёк мелькал перед глазами, торопя с ответом.

— Я без понятия, что происходит, но точно знаю, что ответы здесь! — в панике выпалил Лёва.

Роман слегка повёл головой, давая племяннику высказаться — сейчас был лучший шанс.

— Ответы на всё, — Лёва пытался собрать судорожные мысли в кучу. — Я сам не знаю, на что, но это здесь, в этих лесах.

...

Когда круизер остановился, Лёва резко вздрогнул, ударившись коленом о бардачок, и стряхнул остатки полусна. Небо успело немного посветлеть. За окном — двухэтажный деревянный дом с крыльцом. Цоколь облицован серым камнем, по нему ползла мшистая дымка и разрастались серо-зелёные пятна лишайника.

— Я вернусь вечером. Заходи, там открыто. Отдохни, твоя комната уже готова, — кивнул дядя.

Дом выглядел большим. Уже выйдя из машины, Лёва наклонился и всё-таки спросил:

— А как я пойму, что это моя комната?

— Всё, чего тебе не стоит видеть, заперто на замок.

Эти слова какое-то время звучали в тяжёлом сумрачном тумане, пока круизер удалялся вверх по дороге. Лёва стоял перед домом, прижимая грязную сумку — последний клочок привычной жизни, которую он так отчаянно пытался удержать. Массивная входная дверь пестрела изящной резьбой. В темноте было не разглядеть узора из лакированного дерева. Лёва провёл рукой по вихрастым завиткам, прежде чем взялся за ручку, и дверь поддалась.

«По крайней мере, сюда мне можно...» — подумал он, переступая порог.

Тени заставили прищуриться. Лёва на ощупь нашёл выключатель и щёлкнул. Загорелась кованная люстра с вытянутыми лампами в виде языков свечи. Свет отражался бликами в стёклах длинного серванта с посудой. Открытые полки едва заметно прогнулись под книгами и коробками, подписанными непонятным почерком чёрным маркером, так что не разобрать ни цифр, ни букв. В просторной гостиной у стен располагались толстые деревянные балки. На некоторых из них оставалась грубая, незаконченная резьба, скорее процарапанный набросок. Одна из них была сильно исцарапана засечками. Лёва присел на корточки, провёл рукой. У каждой засечки стояла дата.

«Разве у дяди есть дети?» — подумал Лёва, поднимаясь в полный рост, и тут же замер.

На лестнице, ведущей на второй этаж, застыло нечто и не сводило взгляда с Лёвы. Напрягая глаза, Лёва разглядел кого-то угрюмого, с мокрыми волосами на сутулых плечах. На свету блестели влажные грязные берцы. Лёва оцепенел и отшагнул назад, указывая на дверь.

— Роман Александрович — брат моего отца, я Ле...

— Лев. Знаю. Наслышан, — незнакомец встал в полный рост.

Ему пришлось наклонить голову, чтобы пройти через порог. Лёва настороженно следил за каждым шагом. Верзила подошёл к серому холодильнику, бледная лампочка загорелась на

короткое мгновение, когда дверца открылась. Незнакомец сел на диван, устланный клетчатым пледом, и кивнул Лёве, чтобы тот сел напротив. Верзила открыл зубами бутылку и протянул её гостю.

«Кажется, отказы тут не принимаются...» — тревожно подумал Лёва, понюхав горлышко бутылки.

Пряный аромат взбудрил — что-то лукаво-кислое с природной горечью. Первый аккуратный глоток заставил взглянуть на этикетку — вкус никак не распознавался.

— Черторожий сидр, — со странной гордостью заявил здоровяк, наклонив голову. — Неужели никогда не слышал?

Лёва мотнул головой. Повисло тревожное молчание.

— Совсем ничего?

Как будто второй шанс. Лёва отчаянно мотнул головой, не в силах сейчас что-то придумать, как-то выкрутиться.

— Там работает твой дядя, — бросил незнакомец и сам хлебнул. — На производстве.

Лёва закрыл лицо рукой. Он почувствовал себя на каком-то абсурдном уроке родоведения, где в любой момент могли спросить, за кого вышла замуж во второй раз двоюродная сестра дедушки. Самое гадкое — что Лёва ответил бы, даже сейчас, замёрзший, усталый, возможно, с температурой. Всё равно бы ответил про кого угодно, кроме дяди Романа.

— Я как раз приехал, чтобы побольше узнать о дяде, — произнёс Лёва в ладонь.

Незнакомец усмехнулся, скрипнул зубами, как будто кто-то провёл по стеклу, и поднялся в полный рост.

— Да? Реально? — он отставил бутылку на стол.

Лёва слышал щелчки. Невидимый механизм закручивался, напряжение росло, и всё разом ударило в самое сердце, когда раздался стук в дверь. Взгляд незнакомца устался на дверь. Только сейчас Лёва заметил то, что списывал на игру света: глаза были разного цвета — один зелёный, второй карий. Стук повторился, стал более настойчивым.

— Я вижу, что горит свет! — раздался протяжный высокий голос. — Бесполезно делать вид, что вас нет дома!

— Опять этот гандон... — сердито выдохнул себе под нос верзила и направился к двери. Кто бы там ни был, Лёва уже благодарил незримого спасителя.

Когда дверь открылась, на пороге стоял худой стройный господин в сером полупальто, брюках и туфлях с острыми носами. Светлые волосы были зализаны назад, открывая бледное лицо с выразительными глазами, длинным тонким носом и острым подбородком.

— Ах, Серёжа, какое счастье, что хоть ты дома! — просиял гость. — Прошу прощения, крепыш, про Мишу пока ничего.

— Услышал, — кивнул Сергей, пытаясь закрыть дверь, но назойливый товарищ проскользнул внутрь и тут же направился к дивану, не ожидая приглашения.

— А вообще-то я к Льву Аркадьевичу. — Он развернулся, и его глаза вспыхнули любопытством. — Добрый день, как вы добрались? Меня зовут Павел Викторович, оперуполномоченный Гурский, для вас — просто Павел, если угодно.

Корочка удостоверения махнула перед лицом Лёвы, точно птичка крылом, и тут же исчезла во внутреннем кармане пиджака. Павел выглядел опрятно, особенно руки. Тонкие пальцы с выразительно выступающими костяшками при движении, длинные бледно-розовые ногти. Чем дольше Лёва приглядывался, тем сильнее бросались в глаза выступающие синие венки.

— Вы меня знаете? — растерялся Лёва.

Что-то во внешности полицейского напоминало скорее адвоката или финансового консультанта — такие были частыми гостями дома. Спокойный взгляд был слегка омрачён лопнувшим сосудом.

«Ещё бы, в такую рань, а всё ещё на ногах... Как давно он ищет этого бедолагу в лесу? Он вообще отдыхает?»

— Я надеялся вас застать ещё в “Солнышке”, но там мне сказали, что Роман уже забрал вас, — с сожалением протянул Павел, потирая переносицу.

Во внутренних уголках глаз залегли тени-синячки.

— Всё хорошо? — поинтересовался Лёва.

— Это была нелёгкая ночка для вас... Может, я не вовремя?

Павел заглянул через собеседника на мрачную фигуру. Сергей безучастно наблюдал за ними, скрестив руки на груди.

— Нет-нет! — встрепенулся Лёва.

Присутствие третьего человека вселяло хоть какую-то уверенность рядом с хмурым и грубоватым Сергеем.

— Валяй, — отмахнулся Серёга. — Вы оба просто время зря сейчас теряете.

— Я готов с вами поговорить, — твёрдо ответил Лёва, чувствуя на затылке угрюмый взгляд.

— Не займу много времени! — положив руку на грудь, пообещал Павел. — Вы впервые в Черторогово?

— Да.

— И как вам?

— Ну просто сказка, — усмехнулся Лёва. — Особенно сидр.

Лёва стукнул пальцами по бутылке. Офицер вытянулся и чем-то напомнил хорька на охоте. Он бросил взгляд на бутылку, на Лёву, снова на бутылку.

— Позволите? — спросил Павел, вскинув брови.

Лёва кивнул.

— Потрясающе, — с шипящей радостью в голосе протянул Павел. — Словно заново родился. Всем ПГТ так и хлещем. Вкус, конечно, необычный, но, думаю, ещё привыкнете. Ах, как много вам предстоит увидеть впервые! К слову, почему вы оказались в лесу?

Вопрос раздался внезапно, нырнул под ребра мокрым холодком. Лёва нахмурился, опустил взгляд.

— Вы говорите, что впервые приехали в Черторогово, и отправляетесь в лес, в котором даже местные нет-нет да ногу подвернут. Тем более после грозы, когда нет ни островка, ни полянки сухой. Без верхней одежды, но с вещами.

— Простите, я сам не помню...

— Всё в порядке, это не вопрос, просто беседа! — Павел вскинул руки, будто сдаваясь. — Всё хорошо, слышите меня? Меня, как и вашего дядю, встревожил ваш поступок... Вы позвонили Роману Александровичу со станции “Черторогово” в двадцать два сорок, всё верно?

— Да...

— Вы видели людей в лесу? Может, забытые вещи, следы или звук транспорта?

— Нет, ничего...

— Что случилось потом?

— Не понимаю... Я помню, что проснулся уже в лесу.

— На вас не было куртки. — Павел подался вперед, и его голос стал мягче. — Если верить показаниям свидетелей, вы задремали, ожидая дядю. Затем в районе одиннадцати вечера встали, вместе с вещами, но без верхней одежды отправились в лес, в котором, как вы сами говорите, никогда не были. У вас должна быть весома причина, почему вы туда отправились.

Лёва мотал головой. Жалкая беспомощность налипала грязными комьями со всех сторон.

— Вы совсем ничего не помните? Даже того, что случилось потом? — спросил Павел.

— Потом я увидел... какое-то животное, — признался Лёва.

— Так-так? — спросил Павел с азартом.

Его холодный пристальный взгляд скользнул в угол, где весь разговор стоял Сергей.

— Кого ты видел? — спросил офицер, понизив голос.

— Зверя, — ответил Лёва, поднимая взгляд.

За окном шептался лес. Протяжно гудел холодильник. По трубе на улице стекала вода. Глухое прысканье под нос — разочарование и презрение — ощущалось как плевок.

— Стоите друг друга, — сказал Сергей, направляясь к лестнице. — Не хочу никого разочаровывать, но никакого Зверя здесь нет.

— Почему ты так уверен? — спросил Лёва.

Сергей плотнее стиснул губы, сложил руки в замок, тряхнул ими.

— Удачи.

После чего поднялся наверх.

— Сергей Азаров сделал всё, чтобы Зверь исчез из этих лесов, — произнёс Павел, оборачиваясь через плечо, будто на лестнице всё ещё кто-то был. — Наверное, он винит себя в смерти своего друга.

— Смерти? — сердце Лёвы тревожно стукнуло. — Вы говорили про исчезновение?

Павел отмахнулся.

— Если Зверь действительно вернулся после стольких лет сна, значит, он точно кого-то убьёт. Я рад, что вы не пострадали, Лев Аркадьевич.

— Просто Лёва.

Офицер благодарно кивнул.

— Вам стоит отдохнуть. Если понадобится помощь — позвоните мне.

Павел написал на листе номер, вырвал его и положил на столик, рядом с сидром.

— Спасибо, офицер! — Лёва встал, чтобы проводить.

— Просто Паша, — Гурский напоследок улыбнулся и подбадривающе хлопнул по его плечу. — Не расстраивайтесь и не забивайте голову всякой жутью. Берегите себя, наслаждайтесь природой! Жду вас на рыбалке. Мне повезло отхватить участок у озера. Там тихо, спокойно, и хорошо думается.

— Вы ко всем случайным гостям так добры? — поинтересовался Лёва.

— В Черторогово не бывает случайных гостей, мой друг.

Тревожное пробуждение вырвало из сна. Лёва сел в кровати, щурясь от яркого света. Вслепую он подошёл к шторам, пытаясь их задёрнуть, но что-то заело. Бросив всё, Лёва потёр глаза, встряхнул волосы и вышел в коридор. Слишком тихо.

«Все спят?» — недоверчиво подумал он.

Никакого завтрака, никаких разговоров. Лёва взволнованно посмотрел на часы.

«Почему так тихо?»

Тревога постукивала в голове, как невролог по коленке. Бегом по коридору, удар плечом в дверь, лихорадочный стук.

— Ты там?! Ты там?! Открой, прошу тебя! — кричал Лёва и застыл, чтобы прислушаться.

Ничего, кроме сбитого дыхания. Чутьё рвануло огнём по всему телу, Лёва сорвался, открыл дверь. Всё внутри кричало, что ответа сейчас он не дожждётся. Заправленная кровать, лёгкая помятость — кто-то совсем недавно сидел прямо здесь, на краю. Письменный стол, зелёная лампа, шкафчик с ромбовидными цветными стёклами, книга с тканевой закладкой. Взгляд метался по кровати, картинам и бабочкам на стенах. Пальцы зарывались в волосы, и Лёва с ужасом и болью оттягивал их. Протяжные гудки усиливали дрожь, охватившую всё тело. Отец не берёт трубку. Набрал матери.

— Она пропала! — не дав сказать ни слова, бросил Лёва.

Голос дрожал, плач стоял комом в горле.

— А ты куда пропал? — спросил неизвестный голос.

Лёва отстранил телефон от уха, чтобы увидеть экран; вспышка, как от снимка, и яркий свет резанул глаза.

Свет валил из окна. Лёва с испугом огляделся в незнакомой комнате, поднимаясь с потной простыни и мокрых подушек. В голове гудела туманная тяжесть. Лёва схватился за виски, ожидая, когда волна стихнет. Импульс за импульсом накатывали, звонко разбивались в пыль, которая оседала тонким слоем. Когда тишина вернулась в разум, Лёва какое-то время сидел неподвижно в кровати. На губах горела бледная дурацкая улыбка.

«Я снова вижу сны?» — не веря собственному счастью, думал он.

Робкая светлая надежда озарила всё вокруг.

«Я на верном пути!» — руки упали на сердце.

Но радость так же быстро погасла: Романа Александровича всё ещё не было дома, трубку он не брал.

Лёва хмуро стоял на первом этаже, глядел в окно, слушал автоответчик. Во дворе сидел Сергей вполоборота на поваленном бревне. Под ногами — пластиковая тара с кусками дерева. На землю слетала тонкая стружка — Сергей орудовал изогнутым ножом, вырезая что-то из дерева.

Очередной гудок в трубке заставил бросить попытки. Бесполезно.

Какое-то время Лёва оставался у окна. Хвойный лес, подъездная дорога. Участок без забора с дикой порослью бурьяна вокруг, громадными каменными валунами, пнём, топором и дровами. Резкое движение — Сергей поднял взгляд на подъездную дорогу. Лёва тут же дёрнулся следом и стал вглядываться в лес. Сергей убрал инструмент в поясной карман, отложил дерево в сторону. Спустя пару минут раздался протяжный гул мотора, меж деревьями началось движение.

Сергей поднялся в полный рост, потянулся до хруста в позвоночнике и тряхнул рукой, сжимая-разжимая кулак. К дому подъехал чёрный мотоцикл “Урал” с приводной люлькой. Двигатель громко и натужно гудел, фыркнул и наконец умолк. Водитель казался где-то ровесником Сергея: спортсмен в спортивной куртке, стрижка под ноль. Спрыгнув на землю, он развёл руки, будто требуя приветствия гладиатора. Парень крутил на пальце ключи от мотоцикла, словно лишний раз хвастаясь, и бодрой походкой двинулся к Сергею.

— Что за дела, Серый? — крикнул он сходу. — Видать, схалтурил ты где-то.

Сергей пожал руку, притянул мотоциклиста к себе, бодро хлопнул по плечу. От Влада несло бензином и перегаром, а куртка, кажется, была запачкана машинным маслом.

— А что за дела? — в ответ кивнул Сергей, скрестив руки на груди.

— Погнали со мной. На рынке барана урвал, сказка. — Влад заглянул за спину Сергею в окно дома. — Бери этого вашего! — мотоциклист лихо свистнул.

— Дрыхнет, небось. Оно и к лучшему. Не шуми, Владос, цыплёнок болтливый, ещё дяде стуканёт, что ты сюда приезжал, — предупредил Сергей.

— Думаешь? — Влад перестал улыбаться и снова посмотрел на дом.

— Он уже этому скользкому глисту всё растрепал, — презрительно поморщился Сергей.

— Так я от глиста и узнал. — Влад махнул рукой, отгоняя от лица мошек, и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — Да забей, я по-бырому. Давай, тащи его сюда. Не сидеть же племяшке тут в доме? А поболтать с ним жесть как охота. Я как вёз его, пацан едва живой был, ни слова. И только сегодня узнаю, что он Зверя видел. Говорю тебе, тащи его сюда!

— Да городской любую шавку за Зверя примет. Впечатлительный. В каждом кусте по волкодаву. Бред это всё. — Сергей вздохнул и устало потёр переносицу. — Просто поехали вдвоём, без этого...

— Меня зовут Лёва, здравствуйте! — раздалось с крыльца.

Сергей стиснул зубы, закатил глаза. Влад же заулыбался во весь рот кривыми крупными зубами и шагнул навстречу Лёве.

— Это вы же меня нашли? Спасибо, — Лёва протянул руку.

Влад тряхнул плечом, словно сбрасывая оцепенение. На волне лютого энтузиазма пожал руку, закинул руку на плечо и потащил Лёву к мотоциклу, чуть ли не силой запихивая в пыльную люльку с рваной обивкой.

— Я как раз за тобой. Толком-то не поговорили, ты был весь отмороженный, крендель. Пойдём-пойдём! Вот ты-то и разрешишь наш спор. Давай, прыгай. Серый, не отставай!

...

— Кто-то всё-таки заливает, — Влад шмыгнул носом.

Он сидел на корточках над самодельным мангалом из старых кирпичей, как коршун. Автомастерская уютно забила в угол меж гаражей, защищая пирушку от ветра и посторонних глаз. Рядом припаркована бежевая «копейка», которую никак не удавалось вернуть к жизни.

На лавке облупилась гадко-синяя краска, на досках — целая сеть мелких засечек от чего-то острого. Серый и Лёва сидели рядом, но не смотрели друг на друга — один от назойливого презрения, второй — от страха. Из белого пакета торчали бутылка кетчупа, зелёный лук, маринованные огурцы и грибы. Целая упаковка сидра стояла на скамейке, прямо в заводской плёнке.

В воздухе витал запах масла вперемешку с горьким дымом. Влад встал, размялся, оглядел чудную компанию. Недоверчивый взгляд остановился на Лёве. Дикий лес у железной дороги, непроходимая, вязкая от дождей тропа и крошечный мрак. Если бы не пропал Мишаня, чёрта с два Влад вообще полез бы в саблезубую безлюдную глушь. До сих пор в ушах стоял тот вой. Его услышишь однажды — не перепутаешь ни с чем. Сейчас, при ярком свете дня, парнишка выглядел закуской, которую лес проглотит целиком, не жуя. Влад наклонил голову вбок, выпытывая объяснения у Лёвы.

— Ты думаешь, я просто ради прикола в дебри забрался? — спросил он. — Ты сам говоришь — я отмороженный, от страха говорить не мог! Ты сам же меня и нашёл!

— Да, — протянул Влад. — Ты был в Гнезде.

Последние слова скорее брошены Сергею. Тот лишь хмыкнул и хлебнул ещё сидра. Лёва недоумённо осмотрел собеседников. Он чувствовал, что угодил в ловушку, но не понимал, не видел никаких контуров.

— Дом на дереве, — великодушно объяснил Влад. — Ты нашёл его в полной темноте, убегая в панике от дикого чудовища. Даже местные не сразу найдут нужное дерево и скрытые ступени. Гнездо с земли не видать, особенно ночью.

Лёва хмурился сильнее с каждой фразой.

— Что ты знаешь о дяде? — спросил вдруг Влад.

Серый обернулся. К этому разговору был расположен куда больше.

— Он увлекается оккультизмом. Или чем-то подобным.

— Или чем-то подобным... — передразнил Влад, кривляясь, и стукнул Серого по плечу. — Хоть сколько ему лет?

— Я не знаю.

— Примерно? — спросил Сергей.

— Я не знаю!

— Да назови ставку! Мы если что подскажем! Правда, Серый?

Тот охотно кивнул.

— Да не знаю я!

— Что ты о нём знаешь? Почему приехал, почему остался в доме незнакомца? — спросил Влад.

Его тяжёлая нога опустилась со скрипом на скамейку, доски скрипнули. Он угрожающе навис над Лёвой, не давая места для манёвра.

— Ты же, сопляк, ничего не знаешь о нём!

— Я ему верю! Он всё равно моя семья! — вспыхнул Лёва.

Серый прыснул под нос.

— Объявился, родственничек! — он сплюнул на землю.

Влад бросил короткий взгляд на друга и вернулся к допросу.

— Как ты туда взобрался? — прессовал он.

— Я не знаю, — упрямо повторял Лёва.

— Ты тут бывал?

— Нет.

— Ну ты посмотри на этого счастливирика! — Влад лихо потрепал Лёву по голове, и парень тут же отстранился. — Пережил встречу со Зверем в незнакомом лесу! Кругом тайга да говно медвежье, не видно, хоть глаз выколи! — Влад щёлкнул перед самым лицом Лёвы, задев пальцем веко, заставив того зажмуриться. — А этот городской наш лапочка всё нашёл!

Лёва хотел было возразить, набрал в грудь воздуха, но тут же умолк. Огромная ладонь с грозным шрамом через всю руку возникла прямо перед лицом.

— Вот, — произнёс Влад. — Мы с Серым это место как свои пять пальцев знаем. И то неделю назад вспоролся гвоздём. Натыкаемся то на сук, то на штык какой. Один ты у нас неуязвимый Рэмбо. Ты что-то недоговариваешь, сопляк.

— Я всё рассказал! — соврал Лёва. — Вы просто не хотите слышать!

Второе было отчасти правдой.

— Там был Зверь! — вновь выпалил он.

Сергей действительно не хотел этого слышать. Он круто повернулся, хлопнул парнишку по плечу.

— Если бы это реально был тот самый Зверь, тебя тут не было, цыплёнок, — процедил он сквозь зубы. — А твои косточки уже давно растаскали бы по норам. Нет тут никакого Зверя, и будь за это благодарен.

Разные глаза смотрели с неистовой злостью. Лёва боялся представить, кому на самом деле адресована эта ярость, которая дома ещё кое-как подавлялась. Лёва сглотнул, плотно стиснув зубы.

— И какой был тот самый Зверь? — опасливо спросил Лёва.

— Большой, вонючий и лохматый, — Сергей пожал плечами. — Людей много пугал, так и напрашивался...

— Метра четыре в холке, не меньше, — Влад задрал руку над головой. — Клыки... — он огляделся по сторонам и схватил шампур, — во! Морда рваная, глаза красные и смотрят в душу, как будто кто лазерной указкой светит. Весь лес с ног на голову переворачивал. Деревья некоторые с корнем выдирал, траншеи рыл, что не проехать. А когда в город выбирался — всё. Пиши пропало. Он тут всех в страхе держал. Всё Черторогово под Зверем ходило.

— Ага, специалист. Ты же его десять раз видел. — Серый усмехнулся.

— Видеть, может, и не видел, но многое слышал.

Влад сделал шаг назад, запрокинул голову к небу, потёр затылок, глядя на скамеечку.

— И что с ним стало? — Лёва нахмурился.

— Нечего было Серого злить, — бросил Влад, возвращаясь к мясу.

Поднимался злой ветер. Далёкий шум леса донёсся до посиделки. Струйка дыма колыхнулась.

— Я про волчару, если что, — не оборачиваясь, добавил Влад. — Выбрал не тот домик: часто ошивался у дома Роман Саныча. Вот Серый его и грохнул.

Влад «прицелился» из шампура и пальнул, издав тихий глухой «пау».

— Видать, новый объявился. На этот раз я шанса не упущу, — пообещал Влад.

Он вернулся на лавку, раздал пластиковые тарелки с бараниной, захватил лука и запрыгнул на капот копейки. Пар валил от мяса, но Лёва не мог притронуться к еде. Жуткая тревожная мысль выплывала из тумана, проступала всё более чётко. Раздался сочный хруст лука. Щелчок слетающих крышек. И как же громко стальная пробка упала на асфальт. При взгляде на Сергея все сомнения отпадали.

— Вы собираетесь и этого убить? — прямо спросил Лёва.

Влад и Серый весело переглянулись. Улыбки вспыхнули на их лицах. Что-то хищное и жёсткое блеснуло в них, точно вспышка молнии, и тут же угасло.

— Если он реально существует — да, — ответил Влад, пожав плечами и попивая сидр.

— За то, что он просто следует своей природе? — спросил Лёва.

Серый нахмурился, Влад вскинул бровь.

— Этой своей «природой» тварь нехило так развязывает нам руки, — ухмыльнулся Влад.

— Вы совершаете ту же ошибку, которая стоила вашему другу жизни, — предупредил Лёва.

— Какую же? — поинтересовался Сергей.

Он поддался вперёд, облокотившись на колено.

— Он не знал, с чем имеет дело. Увидел впервые, и первая мысль — убить. — Лёва нахмурился, потёр переносицу. — Мы все сейчас упускаем что-то очень важное.

Сергей слушал с нескрываемым интересом. Пристальный взгляд застыл. Влад открыл было рот, но сам себя остановил.

— Мы давно с Серым спорили, — молвил он через несколько мгновений, — что мне хватило бы сил грохнуть Зверя. Чуть-чуть не успел, Серый меня опередил. И вот, походу, у меня второй шанс?

— Мечтай, — прыснул под нос Серый, закусывая луком.

— Ты посмотри, не хочет делиться лаврами, охотник! — отмахнулся Влад.

— Да мне не жалко, просто нет никакого Зверя.

После этих слов Сергей наклонился вперёд, чтобы достать бутылку сидра, открыл об скамью, поставил рядом с Лёвой.

— Есть просто испуганный мальчишка, которому не хватает приключений в своей столице.

Лёва хмуро смотрел на Серого, не понимая до конца смысла его слов и жестов. Сергей подвинул бутылку ближе, вопросительно кивнул на пакет: мол, тебе чего достать? Из-под опущенного края выглядывало несколько банок солений. Всё это никак не вязалось в голове Лёвы, не складывалось в ответ: чего хочет от него Сергей? Очевидное недоумение вызвало тяжёлый вздох у Серого. Он отложил еду, вытер руки о штаны, сложил их замком перед собой, уперев локти в колени. Широкие плечи опустились.

— Лёв... — прямо обратился Серый. — Я правда рад, что ты приехал. И рад, что самое страшное, что с тобой случилось, — это сильный испуг в самом начале. Забей и не беспокойся, чего бы там ни видел...

— Я знаю, что видел. — Лёва встал и стремительно бросился прочь от гаражей.

...

«Ну почему за окном так красиво, совсем невозможно работать!» — думала Алиса, любуясь ласковым осенним солнышком.

В любую другую погоду она так же сидела на столе, болтая ногами, сколько бы ни гоняла хозяйка. Невозможно работать ни в дождь, ни в туман, ни в снегопад, ни в знойную жару, ни в такую рань, ни в такую темень. Возможно, Алиса просто не хотела работать тут одна. А может, ей по душе были любые другие занятия, кроме работы. И вот душевный зов был услышан, и на пороге появился её новый друг-спасёныш из леса.

— Лёва! — радостно воскликнула девушка, спрыгнув, как птичка.

«Солнышко» было единственным знакомым островком в этом проклятом Черторогово. Выпутавшись из лабиринта гаражей, Лёва выбрел на Лесную улицу. Двухэтажные здания из серо-бежевого кирпича, закрытый на замок и решётку ларёк, центральный и единственный рынок, окружённый синим жестяным забором. Все эти кадры пестрели перед глазами и едва ли помогали не заблудиться. Лёва снова проверил телефон. Связь есть, но дядя всё не отвечал. Гадкие подозрения крались на мягких лапах.

«Он не хочет со мной говорить сейчас?» — думал Лёва.

Ноги сами вывели к знакомому «Солнышку». Если в первый день трели местной труженицы скорее мешали собраться с мыслями, сейчас Лёва искренне обрадовался, что вернулся.

Они провели целый день, фасуя заморозку, разбирая посуду. Лёва вынес пустые рваные коробки, разделил вилки, ложки и ножи. Где алюминий погнулся слишком уж сильно, ребята объединили свои знания, умения и энтузиазм, чтобы спасти посуду. Скорее преуспели, чем нет. После обеда они сидели в подсобке и чистили картошку. Алиса собрала светлые волосы до плеч под белой косынкой.

— Не слушай никого. Хорошо, что ты приехал, — говорила она. — А этот дурак просто... Может, отбил себе голову гаечным ключом, кто его знает.

У Лёвы вырвался тяжёлый выдох. Удручающие мысли наваливались на плечи.

— Мне стоит избегать Влада? — прямо спросил он.

Алиса решительно кивнула.

— Они с Мишей не местные. Приехали года два назад. Бесят меня, — девчонка резко кольнула картошку ножом.

— Достают?

— Доставали. Но я им такую вкусняшку подала...

— Что именно?

Коварная улыбка озарила лицо Алисы — никакого раскаяния.

— Да какая разница, — отмахнулась она с кокетливой скромностью. — Это всё равно не я, не докажешь, не докажешь! Главное, что они сюда не ходят, у себя там за гаражами ежей на палке жарят. Ну и чёрт с ними.

Светлые глаза Алисы забегали меж ведрами с чистой картошкой. Сравнивала, кто больше начистил. Нескрываемое удивление растянулось на лице, раздался одобрителный свист.

— По тебе и не скажешь, что такой шустрый. Я думала, ты этот... — Алиса почесала затылок рукояткой ножа, — богатенький мальчик, все дела.

— Спасибо, что поддалась мне, — Лёва улыбнулся в ответ.

Алиса прыснула под нос, качнула головой.

— Ты тут зашиваешься? — спросил Лёва, оглядываясь в подсобке.

Алиса окинула нового друга каким-то подозрительным взглядом, в котором одновременно вспыхнула искорка надежды.

— Хотя я и приехал к дяде, сейчас ему, видимо, не до меня... Так что, похоже, я представлен сам себе. Могу приходить, если не против.

Алиса часто-часто закивала.

— Ты не думай, что у меня язык без костей, и я только и делаю, что трещу без умолку! Всё могу: могу и в тишине, и сама слушать тоже! Обещаю, не буду докучать разговорами! — затараторила она.

— Нет-нет, — остановил Лёва, — я за этим и буду приходить.

Сказанное растрогало Алису больше, чем она сама ожидала.

— Ты только не думай, что я доставучая трещотка. Ты когда приехал и сказал про Зверя...

— Прости! — Лёва застыл, прервал её жестом.

Когда все умолкли, стал различим тихий гул телефона. Вибрация раздавалась с верхней полки, под самым потолком, где располагалась единственная безопасная розетка.

Лёва снова запрыгнул на стремянку, полез за телефоном и снял трубку.

— А ты куда пропал? — спросил дядя.

Слова будто окатили холодной водой. Сон ожил, окружил, осел пылью, забил нос, глаза, все чувства, каждый нерв — и тут же снова растаял.

— Я решил прогуляться... Вы дома?

Недолгое молчание. Лёва стучал пальцами по пыльной полке, вглядывался в размытые буквы на холщовом мешке.

— Да, — наконец раздалось в трубке. — Приезжай. Нам давно надо поговорить обо всём этом.

Гудки били в резонанс с волнами подступающей тревоги.

— Алиса, прости, я должен бежать, дядя, он дома, я должен бежать... чёрт, тут есть такси или... чёрт, как же мне...

Спускаясь на землю, Лёва вспомнил Влада, его мотоцикл, на котором они добрались. Вспомнил Серого и его уазик. Ни на то, ни на другое полагаться не хотелось. Не хотелось возвращаться к гаражам, искать их, извиняться, просить.

«Если я заставлю дядю ждать, у меня может не быть второго шанса во всём разобраться!» — забилась тревожная мысль.

К чёрту всё, Лёва уже был на пороге, в полной готовности броситься обратно, любой ценой добиться дружбы даже с такими упырями, как вдруг раздался возглас.

— Стой! Давай подброшу? — спросила Алиса.

...

— Откуда он знает? — спросил Серый.

— Чего? — спросил Влад, выезжая из-под «копейки».

Серый сидел на скамейке, втыкая и вынимая нож с глухим стуком.

— Откуда приезжий знает, что Мишаня сдох? — спросил Серый.

Влад сел, разминая шею.

— погоди, он чё, прям так и сказал? — он нахмурился, пытаясь припомнить недавний разговор.

— Он сказал, что Мишаня не знал ни черта, и это стоило ему жизни. Тела нет пока.

Влад поджал губы, согласно кивая.

— И чего это мы про Зверя не понимаем? — спросил Влад.

— Да Зверя, может, и нет никакого! А с племяншкой этим точно что-то не так. Мутный.

...

Всё тело трясло, не то от поездки на старом мопеде Алисы по разбитым дорогам, не то от холода. Тени становились длиннее. Сквозь лес уже догорал закат. Темнело слишком быстро. Угрюмые сосны навевали горькую необъяснимую тревогу: «Ты не успеешь».

Лёва поблагодарил Алису за всё, спешно взбежал на крыльцо, открыл дверь и ввалился в гостиную. Сбитое дыхание мучило, терзало. Дядя сидел на диване. Кремовая сорочка с мелким бледно-бордовым узором, холодный неяркий фиолетовый галстук ослаблен, серый пиджак. В руках — книга в винтажном тёмно-синем переплёте.

Роман поднял глаза на племянника, но не оставил чтение вовсе. Его холодный и сдержанный взгляд встретил Лёву и держал в гнусном ожидании.

— Я приехал, как только смог, — на выдохе сказал Лёва.

Роман вздохнул, закрыл книгу без закладки, положил на стол. В наступающих полусумерках едва читалось название: «Степной волк» Германа Гёссе. Дядя кивнул на место напротив себя.

— Я всё понимаю, Лёв, — кивнул Роман. — Тебе всего лишь двадцать два года, но уже круг общения состоит из учёных, выдающихся людей. В любой клинике ты желанный гость. Ты можешь помогать людям — это дорогого стоит, правда. Твоя жизнь слишком насыщенная. Даже для столицы.

— Вы... следили за моими достижениями? — спросил Лёва.

Повисло молчание.

— Конечно. Мы же семья, — просто ответил Роман.

Укор попал точно в цель. Лёва стыдливо опустил взгляд.

— Ты действительно вундеркинд, — продолжал дядя. — В чём твой секрет?

Он наклонил голову, ожидая ответа.

— Вы и так знаете, — ответил Лёва, боясь смотреть в глаза.

Романа этот ответ явно не устроил. Он глубоко вздохнул, взглянул на догорающий закат. В окне пылала тоненькая кромка.

— Говори прямо.

Лёва провёл рукой по лицу.

— Я видел сны. Теперь не вижу, — признался он.

— Какие?

Лёва поджал губы, повёл плечом, пытаясь стряхнуть все дурные предчувствия, которые сгушались к вечеру.

— Вещие? — не то заявил, не то спросил Лёва, глядя на дядю.

Роман не сводил взгляда, медленно кивнул. Облегчение ласково коснулось самого сердца. Безумный клубок впервые крутанулся так, чтобы распутаться, а не намотать новый узел.

— Я не знаю, как это назвать... Да, похоже на это, — заламывая руки, согласился Лёва.

— Ты даже не хотел давать название своему дару, — с тихой горечью вздохнул дядя, медленно покачивая головой.

Ком встал в горле. Роман пожал плечами, медленно махнул рукой.

— И действительно, зачем? — продолжал он. — Пока силы исправно служили, открывали перед тобой любые двери, и, самое главное, — чужие сердца. Человек ещё не переступил порога вашего дома, ты уже знал, зачем он пришёл, чего ждёт и что предложит. Ты мог просидеть в одном кабинете с самым угрюмым пациентом и понять его боль, как свою, найти путеводную нить.

— Я помогал людям, — возразил Лёва.

— Как благородно.

На лице Романа заиграла бледная улыбка, раздался три медленных хлопка. Саркастичные овации били в грудь. Лёве становилось трудно дышать. Губы невольно скривились в презрении. Племянник беспомощно замер.

— И что же случилось потом, чудо-мальчик? — спросил Роман, наклонив голову набок.

— Всё пропало, — глухо прошептал Лёва.

— Громче.

— Всё пропало! — голос дрожал от подступающих слёз. — Ни снов, ни видений, ни предчувствий! Я ничего не могу, я не в силах помочь людям, которые доверились мне, за которых взял ответственность!

— И ты сбежал?

Вопрос прозвучал как очередной удар.

— Я ищу способ всё исправить!

— Ты ищешь способ вернуть своё превосходство. Тебе есть дело до природы магии? До источника твоей силы?

— Дядя, прошу, мне нужны ответы!

— Тогда ответь сперва ты.

Лёва поджал губы, решительно кивнул.

— Когда ты впервые увидел меня в Черторогово?

За окном пела ночная птица.

Лёва собирался с мыслями. Что-то считал на пальцах.

— Три, — наконец раздался тихий голос.

— Не слышу, — дядя подставил руку к уху, прислушиваясь к позорному признанию.

— Три! — сжав кулаки, выпалил Лёва. — Три года назад.

— Три года назад, — протянул Роман, качая головой.

Птица не унималась.

Горький смешок сорвался с губ Лёвы.

— Три года ты знал, что безумный дядя Рома существует. Знал адрес. Может, видел, как я собираю гербарий или распутываю утят из проволоки. И не позвонил. Не написал. Ничего не сделал.

— Прости! — выкрикнул Лёва, хватаясь за голову. — Я не понимал, что происходит со мной, не знал, что делать! Я мог и должен был приехать раньше! И я заслуживаю выслушать всё, что ты говоришь, но и ты, прошу, умоляю, выслушай меня!

Секундная передышка, чтобы сглотнуть. Роман не сводил стального холодного взгляда.

— Мне страшно. Я не понимал, что со мной! Дар открывал мне не только души. Порой они сводили с ума. Единственное, что помогало — не трогать, сделать вид, что всё нормально.

— Что ты видел в кошмарах? — спросил дядя.

— Семью.

— Их смерть?

— Хуже.

Лёва поморщился, опуская взгляд. Холодные руки задрожали.

— Я думал о том, чтобы приехать. Но боялся, что станет хуже. Что эта сила, откуда бы ни была родом, сожрёт меня, — признался Лёва, закусывая губу.

Молчание. Далёкий шёпот осеннего леса.

За окном уже стемнело. Появились первые звёзды.

Тихий гул холодильника.

— Ты плохо выглядишь, — заметил Роман.

Лёва прыснул и кивнул. Бессонница мучила в столице, не давала сосредоточиться. Приходилось несколько раз перечитывать написанное заключение, чтобы ужаснуться ошибкам, повторяющимся словам.

Одно из таких заключений заведующий вернул.

— У вас ошибка. Вот здесь, в самом начале.

Металлический корпус ручки стучал по графе «имя». Лёва не помнил, как заполнял. Просто глядел на единственное слово, которое резало сердце: Аня.

«Надо всё исправить...» — врезалось в память, в самое сердце, и до сих пор кровоточит. Лёва ожидал вердикта родственника, с которым их не связывало ничего, кроме фамилии. Весь стыд, страх и укор, которых так боялся и избегал все эти годы, обрушились разом.

Роман выжидал. Пальцы медленно водили по ворсистой обивке дивана. Мрак сгущался.

— Я знаю, что с тобой. Знаю, что дар связан со Зверем. Это была моя идея, мой замысел, мой труд и моё чудо, — наконец признался дядя.

Лёва уставился с яркой надеждой. Сам факт причастности дяди не был новостью — какая-то зачарованная часть сердца знала, чувствовала. Но впервые смутные подозрения, образы и предчувствия облекались в слова, становилось легче дышать.

— Когда у брата родился больной ребёнок, я через подставное лицо прислал им приглашение на экспериментальное лечение.

— Я был просто экспериментом? — опешил Лёва.

Роман гордо осмотрел племянника.

— Всё сработало чудесно, — с нескрываемым удовольствием произнёс он. — Ты жив, здоров, тебе ничто не угрожает.

В последних словах звучала тихая издёвка. Улыбка на губах дяди лишь подтвердила смутное предчувствие.

— Мне надо вернуть эти сны, — просил Лёва, мотая головой.

— Зачем? — поинтересовался Роман, точно знал уже ответ.

— Это последняя ниточка, которая связывала его с сестрой, — признался Лёва.

На этих словах Роман удовлетворённо кивнул.

— Как же всё меняет страх за тех, кого любим, не так ли? — хмыкнул он, потирая подбородок. — Ты всю жизнь делал вид, что не причастен к этому миру, который смотрит за нами с той стороны чёрного зеркала.

— Чтобы стать изгоем, как...

Стальной блеск вернулся. Роман жестом потребовал, чтобы племянник закончил мысль.

— Ты понял, — нехотя отмахнулся Лёва.

Будь его воля — взял бы слова обратно. Пальцы Романа продолжили водить по дивану, нервно постукивая.

— Ты никогда не ценил магию, лишь пользовался ею. Никогда не платил за неё. Вот она и покинула твоё сердце.

Роман пожал плечами, будто не придавал разговору никакого значения.

— Как мне теперь всё исправить? — спросил Лёва.

Ответа не было. Лишь острый холодный взгляд, который предстояло выдержать.

— Ты это сделал со мной. Ты знаешь, как всё вернуть, — настаивал Лёва.

Нельзя сдаваться. Только не сейчас.

— Ты хоть раз пресёк, когда наша семья издевалась, шутила надо мной? Над нашим даром?

— Нашим? — переспросил Лёва.

Роман умолк, подался назад.

— Ты же понимаешь меня. Возможно, единственный во всём мире. Помогите, дядя, прошу!

Дядя глубоко вздохнул.

— Лекарство, которое тебе ввели в детстве, создано кровью Зверя. Ты не знал об этой сделке, не пытался изучить, усилить вашу связь, вот она и оборвалась. Почти.

Лёва с замиранием сердца внимал каждому слову.

— Твоё сердце слышит зов той магии. Звучит тише, чем раньше, но ещё побороться можно. Ты и сам это чувствуешь: иначе бы не бросился в глушь ради призрачного шанса повидаваться со странным дядюшкой. Ты и так знаешь, что делать.

— Найти Зверя... — Лёва озвучил догадку, которая горела в сердце всё это время.

— И заключи с ним сделку, — кивнул Роман. — Уже сам, по собственной воле, осознанно и чётко. У тебя есть время до следующей полной луны. Если не ошибаюсь, целая неделя.

— Неделя? — тревожно и одновременно с надеждой повторил племянник.

— Или ничего не делать, — Роман всплеснул руками. — Правда. Просто взять вещи, уехать домой.

Лёва нахмурился. Это звучало как издёвка.

— Тебе нечего сейчас исправлять, — предупредил дядя. — Ты в норме. Впервые за много лет.

— Это не норма! — вспыхнул Лёва, подскакивая с места.

Запрокинув голову, он отошёл к окну.

Чёрный лес шипел, верхушки качались, как волны.

Лёва зажал кулаком рот.

«Аня, Аня, Аня...» — пульсировало в голове.

Она исчезла, никому ничего не сказав. Когда выходила на связь, это успокаивало всех, кроме Лёвы. Он единственный, кто от коротких звонков приходил в больший ужас.

Роман медленно обошёл гостиную, прислонился к одной из балок, провёл рукой по резьбе.

— Я не знаю, что с ней! Ты бросил нас, чтобы изучать этот проклятый мир, так помоги мне! — сорвался Лёва.

— Я уже помог! Дальше всё зависит от тебя.

— Всю жизнь я завишу только от себя! Я наедине с кошмарами, мне никто не верит, они ведут себя так, будто с Аней ничего не случилось!

Роман едва заметно повёл головой. Он глядел выше, куда-то на лестницу. Лёва обернулся и застыл. Сергей стоял на лестнице, укрытый ночной тьмой. Его хмурая фигура чернела угрожаящим пятном. Лёву прошиб холод, и он уже было набрал воздуха, чтобы что-то объяснить, как Серый исчез.

...

Пасмурное утро тянулось вечность. За окном лежал туман. Бледный рассеянный свет делал комнату призрачной. Лёва сидел один за столом. Чай с лавандой давно остыл. Лёва успел сделать всего два мелких глотка. Ничего не шло в горло.

«Почему так тихо?» — думал он, прислушиваясь к шагам наверху. Никого.

Разговор с дядей прокручивался в голове снова и снова. Лёва не заметил как сжал кулаки, сдирая заусенцы в кровь. Под тонкой кожей голубели венки.

«Лекарство от крови Зверя...»

Лёва закрыл лицо руками, пытаясь срастить два куска реальности, которые никак друг другу не подходили. Москва с подсвеченными по вечерам фасадами, конференции, светские приёмы. Как же лестно было слышать, как профессора с мировым именем ласково звали: «Лёвушка, подойди, хочу вас познакомить!». Это всегда были знакомые лица. Гость мог приехать из Аргентины, Тибета, Японии — Лёва уже видел его во сне накануне, в отражении воды, в зеркале, когда осматривал белый халат для практики в больнице, слышал между строк песни, которая играла в выключенном плеере. Лёва широко улыбался, как родным, близким и знакомым, располагал к себе, охотно рассказывал об учёбе, исследованиях и ещё охотнее слушал других.

Всё пропало. Видения растаяли, как первые звёзды на рассвете. Лёва видел лишь то, что видят все, и это ужасало. Вечера, разговоры и восторг стихли. Остался лишь лесной шёпот и смутное обещание: найди Зверя, и всё будет как прежде.

Лестница тяжело скрипнула. Лёва тут же обернулся.

— Привет... — немного разочарованно произнёс он.

Серый коротко кивнул в ответ, спускаясь с лестницы. Белая растянутая майка открывала крутую линию загара по очертаниям футболки. Дверца холодильника открылась, загорелась лампочка. Пару секунд гудящего ожидания. Угрюмый взгляд пробежался по полкам. Серый почесал подбородок и закрыл дверь, так ничего и не взяв. Он сел за стол напротив Лёвы.

— Ты был груб, — сказал Серый.

«И это ты мне говоришь?» — подумал Лёва, но сдержался от ответа вслух.

Повисло молчание. Даже гудение холодильника стихло на несколько мгновений. Раздался короткий рокот, бульканье, и привычный шум равномерно разлился в воздухе. Пауза затягивалась. Пора действовать.

— Почему ты вообще здесь? — спросил Лёва, глядя прямо в глаза.

Серый приподнял густые брови.

— Что? — переспросил он таким тоном, каким дают шанс взять свои слова назад.

— Ты не веришь в Зверя, должно быть, и в магию тоже? — рассуждал вслух Лёва. — Но живёшь с моим дядей. Для него всё это имеет огромный смысл. Даже больший, чем родная семья.

Последние слова Лёва бросил с грустным смешком, опустив взгляд. Кулак Серого сжался. Зубы едва заметно скрипнули.

— Вот что, — Серый медленно и как будто бы насилу раскрыл ладонь.

В руке трепетала нервная дрожь.

— Не знаю, зачем ты тут, но приехал ты зря.

С этими словами Серый поднялся из-за стола и вышел на улицу.

...

С каждым ударом волн времени всё меньше. Отсюда, с утёса, Огинское озеро реально выглядит морем, бескрайним и диким. Другой берег расплывается в туманной дали. Крик чаек, порывы ветра, протяжный, вымученный скрип сосен.

Перевалило за полдень. Мотоцикл «Урал» и уазик стояли меж сосен и мшистых лишайных валунов. Выстрел, звон стекла — пуля снесла горлышко. Осколки поймали в себя солнце, сорвавшись с утёса, чуть замедлились в воздухе и упали вниз. Крутой скалистый утёс прятал любой рёв, грохот, выстрел или крик. Оттого это место так и полюбилось трём мушкетёрам — самое приличное прозвище для шайки Серого, Влада и Миши.

Парни втроём устроили здесь лагерь и стрельбище. Скалистый участок леса расщедрился на более-менее ровное плато. Серый на уазике свозил сюда старую мебель со всего Черторогово. Поваленные сосны быстро обросли кругами краски, пулями, зарубками от ножей. Серый и Влад сидели вдвоём в месте, которое было создано для троих. Каждый думал о своём. Ни у одного нет сомнений, что это поминки, хотя не было произнесено ни слова. Даже тела не было найдено. Откуда-то царила непоколебимая уверенность: *они и не найдут*.

— Если бы я знал, чем это обернётся, я бы всё равно всё повторил, — произнёс Влад, крутя в руках бутылку со сбитым горлышком.

От сколов тянулись трещины. Резкие, сбитые грани. Влад спокойно кинул стекло в траву. Даже он сам уже не удивлялся такому меткому выстрелу. Серый вновь втыкал нож в бревно, на котором сидел, вынимал и вновь наносил колющий удар.

— И Мишаня тоже, — добавил он с тяжёлым вздохом. — Куда б мы ни приезжали, на нас всегда таращились. И вот даже сидишь по-людски, нет, блин, всё не так. Я даже сам не понимал: как так-то? А потом, знаешь, как-то просёк.... Есть что-то. Эти косые взгляды даже как-то заводят. Ну скажи ж?

Серый был угрюм даже больше, чем обычно. Ответа сейчас не добиться никак.

— Если бы было не так, ты бы с нами не таскался по всем этим местам и не рисковал бы жизнью, — продолжил Влад.

Серый кивнул, глядя на воду. Порыв осеннего ветра. Стальной лист, оцарапанный жёсткой щёткой.

— Жаль, что тебя не было с Мишаней в ту ночь, — произнёс Влад, опираясь двумя руками на ружьё.

— Да. Жаль, — скупно бросил Серый.

Сизые чайки ловили потоки воздуха, перекрикивались друг с другом. До ноября будут тут носиться туда-сюда, глотки драть.

— Никто на ум не приходит? — спросил Влад, чуть покачиваясь на месте.

— Нет, — слишком быстро ответил Серый.

Разговор оживил Влада.

— Говорю, тогда это оказался кто-то не из местных. Кто-то из бомжей шахты. Там часто стали мусор находить. Видать, к зиме кто-то прибил. Если бы тварью-людоедом оказался кто-то из местных, это хрен скроешь.

Влад слушал, слабо кивая Серому.

— Мишаня успел с тобой поговорить? — спросил он с осторожным прищуром и поджал губы.

Серый вновь ударил ножом в дерево, застыл. Кулак крепче сжался на рукояти. Влад не сводил пристального взгляда. Прекратил покачивание из стороны в сторону.

— Сказал, что хочет предложить какое-то дело, — ответил Серый. — Кого-то грабануть. В этот раз всё снова сойдёт с рук. Типа, без мокрухи, если всё сделать чисто.

— И не сказал, какое именно? — Влад отвёл взгляд.

Глаза невольно нашли разбитую бутылку в траве.

— Не-а, — отозвался Серый.

Вдалеке со стороны леса послышался протяжный вой.

Влад тут же выпрямился, вытянулся навстречу зову леса. Будь он собакой, уши бы встали торчком. Они ещё с минуту прислушивались: не повторится ли вой. Не повторился.

— Это мой шанс, — всё равно произнёс Влад, опираясь руками о ружьё.

— Облом. И в этот раз ты не успел, — пожал плечами Серый, разглядывая нож.

Тусклое отражение размытыми пятнами растекалось по лезвию.

— С чего ты взял? — спросил Влад.

Серый поймал блик, светанул другу в глаз, заставил зажмуриться.

— Как я говорил, Зверя нет, — сказал Серый и снова вогнал лезвие в дерево.

— Он грохнул Мишаню, — хмуро напомнил Влад.

— И ушёл.

— С чего ты взял? Эта тварь убивала пачками.

— Вот именно, — кивнул Серый. — И в этот раз он остановился на Мишане. Кабан, конечно, здоровый был, но не настолько, чтобы Зверь наелся и всё, больше не лезет. Всё влезет. Этой твари волю дай, всю землю обглодает. Прожорливое ссыкло. Думаю, Зверь нехило так отхватил от Мишани напоследок, поджал хвост и свалил. Иначе бы у нас уже были ещё трупы. Хотя бы этот цыплёнок городской.

Влад заржал, запрокинув голову. На редкость ясный, погожий для начала октября денёк.

— А чего приехал-то родственничек? — спросил Влад, пряча один глаз рукой.

— Да просто с башкой какие-то беды, — Серый почесал за ухом. — Модно это у них. Заработался, глиста в халате. Отдохнуть решил.

Влад поджал губы.

— Тогда вообще странно, — заметил он. — Я слышал, что он как раз работает. В сраном «Солнышке».

— Говорю, он дурачок какой-то, — Серый размашисто покрутил рукой с ножом у виска. — Роняли, походу.

— Когда свалит, не говорил?

— Поскорей бы... — с надеждой бросил Серый. — Забейте, вы оба, блин!

Серый резко махнул ножом в сторону Влада. Тот тут же мирно вскинул руку, второй держа ружьё.

— Воу, воу, легче, Серый! — бросил Влад.

— Вот нечего бесить меня, — цокнул Серый. — Ты приехал издалека. Я живу тут много лет, и всё это время тварь ошивалась где-то рядом. Это для тебя охота. Для меня — долг простого человека — защитить свой дом и семью.

— Ты сейчас про своего старика говоришь? Просто вы ж накануне...

Серый круто повёл плечом. Лицо дрогнуло в мгновенном презрении.

— Не твоё дело, — сплюнул он.

Влад вновь вскинул руку в примирительном жесте, обещая, что не будет докучать с расспросами.

— Если что, предложение уехать всё ещё в силе, — напомнил он. — Особенно теперь, без Миши. Не люблю путешествовать один, ты ж знаешь.

Серый резко убрал нож за пояс, встал с бревна.

— Эй, эй, да забей, я ж просто так предложил! — произнёс Влад. — Ты ж знал, что я уеду? Я с самого начала говорил, что не останусь тут.

Резким жестом Серый приказал заткнуться. Влад застыл, прислушиваясь к небу, лесу. Даже чёртовой воде. Но не слышал ничего, что слышал Серый. Никогда Владу в одиночку не было так страшно, как в такой момент. Когда Серый замирал, вглядываясь в балку, которая вот-вот треснет, на машину с пробоиной, которую не увидеть, пока не разберёшь «внутрянку» до последнего болта.

Влад слишком много видел, чтобы запомнить этот взгляд. Дикий и пронзительный, проходящий сквозь заросли, свинец и глухую темень. Что-то шло не так, время братья за ружьё.

Взгляд Серого устремился к валунам, где начиналась горная дорога. Единственный въезд, он же единственный выезд. Оставленные машина и мотоцикл притаились в тени. За несколько бесшумных шагов Серый приблизился к машине, беглым взглядом окинул землю. Влад ступал следом, держа ружьё наготове.

Резким рывком Серый открыл багажник, откинул грязный брезент. Поднявшееся облако пыли не успело осесть, как рука крепко вцепилась, выволокла за шиворот тело и бросила на каменистую землю. Лёва громко вскрикнул от боли, закрывая голову и живот при падении. Серый тут же схватил его за плечо, отволокло прочь, швырнул к стволу сосны. Дуло ружья уже было направлено на вольного слушателя.

— Я ничего не знаю! — вскрикнул Лёва и тут же получил рукоятью ножа в лицо.

Серый сидел перед ним на одном колене. Зрачки дрожали, метались, выбивали окончательное очертание решения, которое зрело с самого приезда чудо-племянничка. Всё складывалось слишком быстро.

— Он слышал, — прошипел Влад.

Серый молча уставился на Лёву. Весь в грязи, джинсы и рукав в машинном масле, растрёпанные волосы спадали на лицо. Грудь лихорадочно ходила, тревожный взгляд бегал с Серого на дуло ружья, к машинам, снова на Серого, на утёс, на далёкое шоссе меж деревьев, до которого никак не добраться, и снова на чёртово ружьё. Нервно сглотнув, Лёва вжался спиной в дерево, боясь пошевелиться, издать хоть звук, задеть невидимые нити, которые были кругом натянуты до предела.

— Он всё слышал, Серый, — повторил Влад. — Про дела.

Серый грозно поморщился.

— Мне плевать, я ничего не слышал, ничего не знаю, ничего не скажу! — затараторил Лёва.

— Говоришь, он Гурскому всё уже вытрепал в первый же день? — напомнил Влад.

— Всё, что знал на тот момент, — кивнул Серый.

Лицо затянулось хмурым разочарованием.

— Я уеду! — пламенно поклялся Лёва, кладя руку на сердце. — Вы меня никогда не увидите, я просто исчезну!

Серый поднял взгляд, чуть наклонил голову набок.

— Мне плевать на всё, что здесь творится, мне плевать на вас и ваши дела, делайте что хотите, я никому ничего не скажу! — продолжал Лёва. — Я знаю, ты видел Зверя! Не делай вид, что его не существует! Я просто хочу его увидеть, и клянусь, я исчезну!

— Ага, верю! — усмехнулся Влад.

Серый потёр переносицу и запрокинул голову.

«Ублюдские вы крикуны, когда уже улетите...» — думал он.

— У тебя телефон с собой? — спросил Серый.

Лёва недоумевающе нахмурился. Серый не раздражался, показал жестом трубку.

— Телефон. Звонилка. Ты его не разбил, когда я швырнул тебя? Проверь.

Лёва судорожно обыскал карманы. Трясущиеся руки едва поддавались.

— Расслабься ты! — прыснул Серый.

Тяжёлая рука хлопнула Лёву по плечу, выбив нервный смешок.

— Какого... — раздражённо начал Влад.

— И ты тоже! — огрызнулся Серый.

Наконец, волнение отступило, Лёва достал телефон, на автомате разблокировал. В следующий миг звонилка была вырвана Серым. Пока угрюмое сосредоточенное лицо паялилось в экран, до Лёвы медленно доходило. Он прислонился затылком к дереву, закусил губу, нервно сглотнул и шёпотом проматерился.

— Ага, — довольно протянул Влад.

К нему вернулось хорошее расположение духа.

— Звоним Роме. Говоришь, что уедешь. Мы вывозим тебя отсюда. Забываешь Черторогово. Кивни.

Лёва кивнул. В горле стоял ком. Серый нажал кнопку вызова, приложил телефон к уху Лёвы. Пошли гудки. Влад с интересом наблюдал, покачиваясь из стороны в сторону от переполняющего волнения. Ожидание затягивалось.

— Дядя не берёт мои звонки, — предупредил Лёва дрожащим голосом.

— Может, стоило вспоминать о нём чаще, чем раз в двадцать лет? — пожал плечами Серый.

Лёва нервно прыснул под нос: «Лучше уж было вообще не вспоминать...».

— Абонент сейчас не может ответить на ваш звонок, но вы можете... — раздалось в трубке, прежде чем Серый оборвал вызов.

Он испытующе уставился на внезапно свалившегося гостя, не оборачиваясь, отдавая телефон Владу.

— Что ж делать будем-то, а? — спросил Серый.

Резкий пренебрежительный жест ударил Лёву по лицу. Тот отводил взгляд, нервно и растерянно мотая головой. Влад уже что-то строчил, держа прицел.

— Ну, вроде даже вежливо вышло... Ого, у тебя уже есть чат с Алисой? Ей тоже напишем. Так-так, дайте подумать... — протянул Влад.

Лёва поднял хмурый презрительный взгляд.

Вдруг раздался звонок. Влад от испуга дёрнулся и матернулся, рука дрогнула, и раздался выстрел. Лёва вскрикнул, закрывшись руками. Серый просто обернулся и прожёл Влада взглядом. Молча он вырвал телефон, вновь опустил на корточки перед Лёвой, схватил за волосы, направил на себя. Безумный от страха взгляд не фокусировался.

— Собрался, тварь! — Серый тряхнул блондинистую башку. — Любимый дядюшка звонит. Убедишь его, что всё в порядке, и так оно и будет.

С этими словами он снял трубку и вновь поднёс к уху.

— Я уезжаю, — произнёс Лёва настолько спокойно, насколько смог.

На него таращились разные глаза, не мигая.

— Что случилось? — раздалось в трубке.

Лёва перевёл дыхание.

— Мне нужно уехать. Прости, было грубо просто взять и заявиться к тебе на порог.

— Как ты собираешься ехать без вещей и паспорта?

Лёва широко раскрыл глаза, взгляд заметался. Кивок Серого дал понять: твои проблемы, сам выкручивайся.

— Он мне не нужен. Не этот, — ответил Лёва чуть погодя.

— Уверен? Может, всё-таки заедешь?

Серый отрицательно мотнул головой, кладя руку на ножны.

— Нет, — Лёва сглотнул. — Нет, у меня есть другой. Или ты думаешь, я бы оставил в доме незнакомца настоящие документы?

Невесёлый смешок одиноко и глухо сорвался с искусанных губ.

— Я — не незнакомец. Мы семья.

Серый крепче взялся за рукоять. Сердце забилось сильнее.

— Если это правда так, у меня к тебе всего одна просьба — умоляю, не бросай сейчас трубку! — Лёва бросил умоляющий взгляд на Серого.

Тот хмуро вслушивался в каждое слово. Серый готов был броситься в любой момент.

— Прошу, помоги Ане, как уже однажды помог мне, — просил Лёва. — Прости, что наговорил тем вечером. Я был напуган. Я чувствую, что ей грозит опасность, которую сам увидеть не в силах. Если кто и может помочь — это ты. Дядя, я не прошу тебя ничего объяснять. Ни мне, ни ей. Пожалуйста, просто сделай так, чтобы она была жива и счастлива. Ты можешь нарушить обещание, и я никак не проверю, сделал ли ты хоть что-то для неё. Но прошу, если ты действительно считаешь нас семьёй — помоги ей.

Из трубки тянулось вязкое молчание.

— Если приедешь, я пообещаю тебе лично. И сдержу слово, — ответил Роман.

Лёва закрыл рот рукой, подбородок дрогнул. Надо было сдержатъ подступающие слёзы любой ценой. Дрожащая рука отстранилась. Он лишь губами, не произнося ни звука, прошептал: «Прошу». Серый чуть отстранил телефон, мотая головой.

— Прости, дядя! Я никак не смогу. Это будет только на твоей совести.

— И на твоей, — ответил Роман.

Слова больно резанули сердце.

— Мне жаль, — напоследок раздалось в трубке, и звонок прервался.

Лёва вжался затылком в дерево, сильно зажмурился. Впереди выступили красные пятна. Серый вернул телефон Владу. Тот какое-то время рылся в гаджете. От порыва ветра уныло завыл лес, затрещали сосны.

— Ого, Алиса спрашивает: «Что такое?», — удивился Влад.

Но ему никто не ответил. Серый достал нож, покрутил в руках. Почему-то сейчас стало безумно важно увидеть себя в блеске металла. Поймать отражение, увидеть собственный взгляд.

— Я ничего не слышал, у меня нет никаких доказательств, — отчаянно бормотал Лёва, мотая головой. — Со мной мёртвым будет проблем намного больше, чем с живым!

Голос, слова, бубнёж, скрип дерева, прибой, мерзкие чайки, далёкие фуры на шоссе, эхо со скал — от шума голова начала закипать. Наконец-то удалось поймать отражение — такое чёткое и понятное, как роковое решение.

— Ты был бы прав, будь ты человеком, — произнёс Серый. — Но ты же Зверь.

В каждом слове горело мрачное соболезнование, но не сожаление. Лёва оцепенел. Раздался протяжный присвист Влада и какая-то матерная присказка — уже не разобрать. Голову заполнил туманный шум.

— Что ты несёшь?! — схватившись за голову, возразил Лёва.

Хотелось отползти, спрятаться, зарыться в землю, но бежать некуда. Дыхание участилось. В голове взрывался один горячий импульс за другим.

— Я не могу быть Зверем! Ты же вообще в него не веришь! Прекрати! — в панике выкрикнул Лёва и было рванул вперёд, но тут же наткнулся испуганными глазами на ружьё.

Чёрное дуло зияло прямо над лбом.

— Я вот лично не верю в то, что в Черторожьих дебрях вот такой петрушка протянет без единой царапинки, — сказал Влад, подступая ближе.

Лёва зажмурился, отводя лицо в сторону.

— Это неправда! Этого не может быть! — рыдания подкатывали новой волной.

— Тогда почему с твоим появлением вернулась и тварь? — спросил Серый, водя ножом в воздухе.

— Нет! — беспомощно отпирался Лёва.

— Ты уже знал эти леса, — продолжал Серый. — Знал про Гнездо. Чего бы тебе ни ввёл дядя, это превратило тебя в тварь.

— Этого не может быть! Я жил в Москве, за тысячи километров отсюда!

— Ты думаешь, Зверь — это просто плоть? — оскалился Серый и сокрушённо мотнул головой. — Для него не существует преград. От него не спрятаться. Если он взял цель — он убьёт.

Лёва зажмурился, чувствуя, как коченеет от страха. Когда колючий лютый холод коснулся самого сердца, что-то дикое и обжигающее пробило всё тело насквозь. Широко раскрытые глаза уставились на Серого. На угрюмого дикого Серого, нелюдимого и хмурого, бесшумно бродящего по лесам в одиночку.

— Вот почему ты хочешь меня подставить... — прошептал он, глядя прямо в глаза.

Те самые глаза, та самая ночь, тот самый зов леса. Серый переменился в лице.

— Что он там несёт? — спросил Влад, убирая телефон в карман.

Серый снова врезал Лёве по лицу. Щека треснула до крови — Лёва сплюнул, прикрыл рот и тут же поднял взгляд.

— Это был ты, — сказал он, глядя на испачканную ладонь. — Вот что значит «эта тварь всегда была рядом»?

Влад нахмурился. Серый поднялся в полный рост, пнул Лёву в бок, прямо по рёбрам. Тихое невысказанное недовольство перерастало в ярость, от которой сводит зубы до скрипа. Вскрикнув от боли, Лёва свернулся, закрылся насколько мог.

— Конечно, он ошивался у вашего дома... — продолжал он бормотать сквозь сбитое дыхание. — Если бы я потерял разум и контроль, я бы тоже просто вернулся туда, где запах моей семьи, где моя земля.

— Вали уже его! — рыкнул Серый.

Влад ослушался, напротив — опустил ружьё.

— Так-так... — его взгляд метался от огромной стоящей фигуры до жалкого трясущегося калачика на земле.

Серый оскалился, мотнув головой. Сорвалось что-то глухое и шипящее, после чего тот сплюнул на землю.

— Владос. Не смешно.

Вопреки словам, лицо Серого расплылось в улыбке, оголяя крупные зубы.

— Где ты был, когда ваш Миша пропал? — вскрикнул Лёва, привставая с земли. — Какое у тебя алиби, Серый? Ты последний его видел? Ты ушёл с ним в ту грозу? Вернулся один?

Ещё до того, как парень договорил, ружьё уже было направлено на Серого. Он в ответ запрокинул голову, перекинул нож из руки в руку, повёл плечом, разминаясь.

— Зря ты приехал, — сквозь зубы процедил Серый, обернувшись через плечо.

— Где ты был в ту ночь?

— Бегал, — ответил Серый, разводя руками.

В другой раз Влад посмеялся: они бы обнялись, обменялись дружескими тумаками, сели бы по своим чертолётам, поехали бы на охоту, к реке, на дело разной степени мерзости. В

любой другой раз всё это было бы дурацкой шуткой. Но не сейчас. Влад лишь тыкнул воздух ружьём.

— Если я человек, тебе хана, — предупредил Серый, размахивая ножом. — Отвечать будешь не мусорам, а Роме.

— Не пугай меня им, — с улыбкой поморщился Влад. — Ты собирался вальнуть племянничка, и ничего.

Глухое прысканье под нос.

— Сопляк просто проездом. Он не семья.

Вдруг дыхание замерло. Сквозь гнусную жгучую боль явился сон. Лёва сидел в углу дома дяди. Не было резьбы и даже гудящего холодильника.

Кругом — сугробы деревянной стружки, запах лака, металлические профили, перетянутые скотчем, пакеты с мусором. Один из них насквозь пробит ржавой железкой.

Повсюду следы живого и стихийного ремонта. Дядя Рома стоял с долговязым подростком у одной из балок. На мальчишке — джинсовый комбинезон на голое тело, резкий загар по маечку: бледное туловище, сгоревшие плечи и шея.

Дядя закатал рукава льняной рубашки, оставался в брюках и летних дерби. В руке — мягкий карандаш. Босоногий подросток отошёл, разглядывая отметку со стороны, схватил нож со стола и провёл по линии карандаша, прорезая чётче. Проведя по засечке пальцем, он довольно устался на Рому. Дядя же не сводил гордого взгляда с воспитанника, мягко похлопал по плечу.

В несколько вспышек подросток набрал силы, стал шире в плечах. В теле поселилась угрюмая сутулость, тёмно-каштановые волосы отрасли ещё сильнее. Что не менялось — так это глаза: зелёный и карий.

— Так это тебя дядя растил, как сына? — пробормотал Лёва, потирая ноющие рёбра.

Серый обернулся, не теряя из виду Влада.

— Он знал, что ты особенный... — проговорил Лёва вслух.

— Фарш назад не прокрутить, ублюдок всё слышал! Да вали ты уже его! Если ссышь — дай сюда ружьё! — огрызнулся Серый.

— Завалитесь оба! — гаркнул Влад, отходя назад, ещё крепче хватаясь за оружие.

Осторожный шаг назад. Дуло медленно переходило, целясь то на Лёву, то на Серого. Камни скрипели под тяжёлыми ботинками. Крики мерзких птиц разносились над стальной водой.

— Вот сука, ты уверен? — хмыкнул Серый, когда настала его очередь быть под прицелом.

— В чём я уверен, так в том, что один из вас Зверь... — бормотал Влад.

— А второй — просто хочет его найти! — крикнул Лёва. — Подумай сам, Влад! На Зверя ведётся охота много лет, и он это знает. Будь я Зверем, я бы тоже ненавидел эту часть себя, а не трещал бы с каждым незнакомцем!

— Я сказал, заткнулись оба! — Влад сорвался на крик.

Держа обоих в поле зрения, он прыгнул на мотоцикл, стал заводить. Раздался грозный грохот мотора. Упрямая железка ворчала и каркала, не собираясь трогаться с места, не закончив всё здесь и сейчас, на этом утёсе.

— Ну, бывайте! — добродушно кивнул Влад, едва мотоцикл завёлся.

— Вот же сволочь... — Серый разочарованно закатил глаза, и тут же огонь вспыхнул, ослепив все чувства и разум.

Лёва вздрогнул, закрывшись от выстрела, а когда осторожно поднял голову, застыл в ужасе. Урал умчался прочь по горно-лесистой дороге, оставив на утёсе Лёву и Серого. Чёрное пятно на плече становилось всё больше и больше.

— Нет, нет, нет!

Лёва поднялся на ноги, подбежал к Серому, хотел было коснуться раны, сделать что-нибудь, что угодно. Безумная суета утащила мысли вихрем, всё спутала. Лёва растерянно и суетливо водил руками в воздухе, не смея ни прикоснуться, ни отойти прочь. Кровь пульсирующе билась из раны. Лёва вздрогнул всем телом, стряхивая налипший страх и оцепенение, зажал рану. Поток не слабел, пришлось навалиться сильнее.

— Нет, нет, держись! — зубы стучали от страха.

Серый резко дёрнулся. У Лёвы сорвался радостный возглас, но улыбка тут же померкла: блеснул широкий нож и едва не задел лицо.

— Всё из-за тебя, мразь! — прорычал Серый, поднимаясь с земли.

— Стой! У тебя кровь! — Лёва выставил окровавленную ладонь вперёд, чтобы защититься.

Серый издал хриплый свист, напоминающий смех существа, которое родилось и выросло в мире, где нет ничего человеческого. И самого человечества тоже.

Невозможно услышать хоть раз нечто подобное и верить лишь в то, что можно доказать, понять, потрогать. От этого смеха продрогли кости. Колющий мороз прокатился по всему телу. Жуткое оцепенение пригвоздило к месту. Лёва вновь встретился с тем же самым существом. Когда этот дикий взгляд принадлежал Зверю, было жутко. Сейчас же, на человеческом лице, эти глаза могли отбить, искалечить рассудок и чувства.

— Пора потрошить цыплят! — Серый замахнулся ножом.

Он не выглядел как человек, который боится боли. Да и вовсе не выглядел как человек. Движения сбивались сильной раной от дробы в плече, иначе бы следующий выпад непременно пришёлся бы Лёве прямо в печень. Отступая, он грохнулся спиной на землю.

— Прошу, успокойся! Нам надо домой, ты ранен! — кричал Лёва.

— Тут нет твоего дома! — Серый замахнулся, но в лицо прилетел камень.

Зажмурившись на мгновение, Серый отступил, тряхнул головой, а когда открыл глаза — добыча уже сбежала.

— Давай-давай! Так мне нравится намного больше! — заорал Серый. — Я даже не задумал тебя, ублюдка, во сне!

Взгляд следовал везде. Даже когда Лёва бросился со всех ног в лес, всё нутро ощущало себя под прицелом. Это не шло ни в какое сравнение с ружьём, которое может заклинить, промазать или попросту не стрелять.

«Для него не существует преград. От него не спрятаться. Если он взял цель — он убьёт», — гудело в голове Лёвы.

Грозные слова пульсировали в висках вместе с горячей кровью. Бешеный поток разрывал изнутри на части. Бежать, пока боль снова и снова вгрызается горячими клыками в мышцы. Бежать как можно скорее, бежать, даже зная, что от этой твари не спастись.

Над головой раздался жуткий хруст. Лёва боялся обернуться, глядел перед собой, угадывая среди вечеряющего леса гнилые пни, поваленные деревья, валуны и дикие норы. Смотреть ещё и вверх — страшно и бессмысленно.

«Он близко...» — с отчаянием доносилось в каждом скрипе.

Что-то острое врезалось в деревья, резко отталкивало стволы. Те ныли с горьким скрипом, и хруст раздался ещё ближе. Под треск и вой продолжалась погоня. Резкий свист — и тяжёлый удар совсем рядом. Забыв себя от страха, Лёва бросился с крутого обрыва кубарем, так и норовя переломаться о камни. Мокрая листва налипала со всех сторон. Редкие вспышки солнца или, может, просто белые пятна перед глазами от боли. Удар за ударом, Лёва продолжал нестись кубарем по дикому лесу.

Выставив ноги, Лёва попытался встать, но они дрожали от боли и усталости. Все сосуды рвались изнутри от неистового потока горячей крови. Обернувшись на лес, Лёва старался пере-

вести дыхание и невольно задавался вопросом: где он? Ответом был крик, рёв — едва ли есть слова, способные описать тот звук, который окатил осенний лес.

«Он ранен... иначе я был бы мёртв ещё на стрельбище», — подумал Лёва, бредя дальше.

Судорога заставила рухнуть на колено. Лёва зажал рот, давя болезненный крик. Это предел. Дальше не уйти. Угрожающий шорох леса. В каждом скрипе — шаг Зверя в человеческом обличье. Лёва оглядел опушку в поисках любого укрытия. Кругом — мягкий свет, который скоро начнёт гаснуть. «Бесполезно...» — в отчаянии подумал он, прислоняясь к стволу.

Сырая одежда прилипала к телу. Пока озноб не ощущался вовсе — тело разгорячилось от погони. Прохладные объятия даже приятно ласкали, унимали жар. Но с каждым мигом всё ближе холодная сырость, готовая пробраться в лёгкие, суставы, мышцы, в сосуды и почки, во всё тело.

Голова бессильно запрокинулась. И Лёва увидел что-то на деревьях, что-то огромное, объётое предзакатным янтарным светом.

«Не может быть...» — Лёва поднялся на ноги, не веря собственным глазам.

Таких могучих деревьев он не видел ни до, ни после. Ствол выглядел неистойвой колонной. Его опоясывала конструкция из дерева. На крыше — листы шифера, несколько мутных окон ловили блик уходящего солнца. При всём колоссальном труде, который ушёл на постройку верха, никакой лестницы не было видно. Несколько прибитых хаотичных дощечек выглядели до ужаса ненадёжными.

«Гнездо...?» — с надеждой подумал Лёва.

...

Тяжёлый грохот. Прежде в комнату влетел нож, упал прямо на порог. Следом за ним залез и Серый. Бледный и весь в крови, он не спешил поднимать оружие. Наоборот, даже пнул носком берца внутрь.

— Давай, сопляк! — он развёл руками, оглядываясь по сторонам. — Нож — это вот тебе фора!

Слова погасли в пыльном воздухе.

— Лучшего шанса у тебя не будет, уж я обещаю!

Старое дерево хранило молчание. Длинные кожаные сундуки, изорванные ножом, клыками и когтями. Большой стол, разделочный пень без топора, старая ванна, накрытая брезентом, чёрный от гари казан, печка-буржуйка, два пожарных шкафа без замка.

— Нашёл, что искал? — Серый схватил рукой бревно и швырнул в дверцу.

Жестяной грохот наполнил Гнездо, испугнув зверей и птиц в округе. Когда шкаф отворился по инерции, внутри не было никого — лишь паутина и гнилая листва.

Серый не спеша подошёл, оглядывая убежище. Стиснув зубы, он сорвал дверь с петель, бросил в центр комнаты. Жесть со скрипом прокатилась по полу, стукнулась об эмалевую ванну.

Сверху брезента ни одного листочка — все они на полу. Серый коротко выдохнул. Бесшумно приблизился, рывком ноги опрокинул тяжёлое корыто. Лёва вывалился кубарем на пол, прямо к дровам. Серый наступил коленом на грудь, схватил за горло, замахнулся в яростном оскале. Удар ножом пришёлся прямо в полено, которое Лёва успел подставить.

Серый резко подался назад, пытаясь стряхнуть бревно. Он потерял равновесие, из-за чего Лёва смог вырваться, но лишь на полшага. Он тут же озверел, сильная хватка вцепилась в горло и прижала к стене. Безумный блеск в глазах хранил ледяное безумие луны. Лёва пытался вздохнуть, но рука сжалась сильнее.

— Поздно, — хрипло шипел Серый, стиснув зубы.

Лёва судорожно шарил рукой по стенам в поиске любого оружия, любой помощи, как вдруг ладонь напоролась на какой-то штырь. Тут же в голове прозвучал грязный мат, вспышка

— Влад, хватающийся за кровоточащую ладонь. Видение меркло вместе с сознанием. Из последних сил Лёва вырвал ржавый гвоздь из стены, крепко сжал в немеющей ладони.

Серый заметил попытку, оценил жалкое оружие. Таким ничтожным огрызком можно нанести разве что царапину, и та лишь сильнее разозлит.

— Надо было брать мой нож, — сквозь шакалий оскал прорычал Серый.

Лёва беспрепятственно занёс руку над головой — пускай, так даже веселей! Но удара не было. Вместо того он приставил гвоздь к стене, схватился покрепче и процарапал на дереве едва различимую засечку. Руку свело от судороги, и он выронил гвоздь на землю. Серый часто дышал. Ноздри раздувались. Лёва схватился обеими руками, пытаясь хоть как-то удержаться, ослабить хватку.

— Он сказал, что мы семья, — прохрипел Лёва.

Лунный блеск треснул. Потускнел. Хватка ослабла.

Лёва рухнул на землю, схватившись за горло, кашляя, с трудом пытаясь отдышаться.